

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

• ЛЕДДЯНОЕ • ВЗМОРЬЕ

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Ледяное взморье

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ледяное взморье / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-117627-3

1942 год. В пригороде Риги фашисты организуют учебный Центр для ликвидации крупных партийных деятелей и высшего офицерского состава РККА. Обучение диверсантов поручено бывшему советскому полковнику Грунову. Узнав об этом, Сталин лично отдает приказ об уничтожении Центра и доставке Грунова в Москву для открытого судебного процесса над предателем. Выполнение задачи поручено группе майора Максима Шелестова. Он отвергает предложение командования открыто прорваться на территорию учебной базы – слишком рискованно. У майора есть свой, дерзкий и необычный план проведения этой опасной операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117627-3

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Александрович Тамоников

Ледяное взморье

© Тамоников А. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава первая

«Юнкерсы» налетели, как по расписанию, в 9.00. Они зашли на город Ломов тремя звеньями в сопровождении истребителей «мессершмитт». Одно звено сбросило бомбы на железнодорожную станцию, где в это время стоял состав с цистернами горючего. Северную часть города охватило пожаром, поднялось черное облако дыма. Второе звено отбомбилось по промышленной зоне. Третье вышло к центру. Слишком поздно завизжали сирены, ударили зенитные батареи. Много людей не успело добежать до бомбоубежищ.

Сотрясся от взрывов и штаб стрелкового корпуса. Три пятидесятикилограммовые бомбы разнесли здание райкома, отдела милиции, начальной школы. Досталось и самому штабу. Взрывы бомб практически разрушили левое крыло, где находились отделы службы тыла, зал совещаний.

Гитлеровские самолеты развернулись за Ломовым и пошли на второй заход. Строй их распался. «Юнкерсы» шли по одному, но по всей ширине города с востока на запад. Грибами взрывов покрылись кварталы частого сектора.

Командир корпуса «генерал-майор» Воронин еще вчера, 6 августа, убыл в штаб армии, за него остался начальник штаба, полковник Грунов.

Во время налета он находился в оперативном отделе. Когда содрогнулось здание, в штабе сработала сигнализация, та же самая, что и в городе, сирена, но малой мощности. Офицеры, исполняя инструкции, забрали важные документы, личное оружие и побежали в подвал, где было оборудовано убежище.

Начальник оперативного отдела крикнул Грунову:

– Товарищ полковник, авианалет, быстрее в подвал!

Полковник ответил спокойно:

– Уходи, мое место здесь.

– Но ведь погибнете.

– Значит, такова судьба.

Подполковник вместе с подчиненными офицерами выскочили в коридор.

Грунов снял трубку полевого телефона, нажал вызывную кнопку. Ответил дежурный по узлу связи, не имевший права, как оперативный дежурный и весь наряд, покидать служебное место ни при каких обстоятельствах:

– Лавров на связи.

– Капитан, это начальник штаба.

– Да, товарищ полковник?

– Соедини меня с госпиталем.

Через разрывы выбила окна и в оперативном отделе, как, впрочем, и во всем здании, пахло дымом.

– Вы слышите меня? – спросил связист.

– Слышу, – так же спокойно ответил Грунов.

– Вам бы в убежище уйти.

Начальник штаба повысил голос:

– Я что запросил? Связать меня с госпиталем! А что делать исполняющему обязанности комкора, я разберусь как-нибудь без тебя.

– Одну минуту. Черт!

– Что такое?

Взрыв рядом со зданием встряхнул его.

Дежурный капитан проговорил:

– Осколок в ногу.

– Аппаратура цела?

– Так точно.

– Сам как?

– Да вроде обошлось, кость не повреждена. Осколок застрял в мышцах бедра. Извините, соединяю... если получится.

– Давай, капитан, и не обижайся.

– Понял.

Раздался вибрирующий длинный гудок, ответил начальник госпиталя:

– Майор Седов.

– Грунов. Что у вас?

– Разбит склад с медикаментами, хорошо, что оттуда все еще позавчера забрали. Хотя, чего хорошего, новой партии из армии так и не подвезли. Еще пару дней и – нечем лечить раненых...

Начальник штаба прервал медика:

– Меня интересует, что с ранеными и медперсоналом.

– С этим пока порядок. Это просто чудо, что бомба упала в больничном саду, хотя там тоже могли быть люди. Проверю. Легкораненые выведены в бомбоубежище, тяжелых укрыли чем смогли. Среди личного состава потерь нет. По крайней мере, никаких докладов о потерях я не получал...

И вновь начальник штаба прервал начальника госпиталя:

– Тяжелых надо опустить на первый этаж, чтобы при повторной воздушной атаке срочно укрыть в убежище.

– Так они у нас и так на первом этаже. Считаете, на сегодня авиация уже закончила?

– Если ты помнишь, майор, я начальник штаба, исполняющий обязанности командира стрелкового корпуса РККА, а не командующий фашистской авиацией. Так что их планы мне неизвестны, но готовьтесь к повторению атаки.

– Да мы готовы.

– Хорошо.

– Извините, Дмитрий Алексеевич, вы не прозондируете насчет доставки медикаментов и перевязочного материала?

– Свяжусь со штабом армии, уточню, сообщу.

– Благодарю.

– Не на чем. Тебе отбой!

Начальник госпиталя отключился.

Грунов вышел на дежурного:

– На месте, капитан?

– Так точно.

– Тебе медик нужен?

– Нет, сам перевязал рану, до того извлек осколок – и до чего же острый как бритва.

– Молодец, теперь свяжи меня с командиром зенитного дивизиона.

– Есть!

Вышел на связь зенитчик, подполковник Маслов:

– Слушаю!

– Это Грунов.

– Здравия желаю, товарищ полковник.

– Ответь мне, Сергей Сергеевич, ты что, не знал, что немцы обычно проводят авиационные налеты в 9 часов?

– Знал, конечно.

– Так почему же, черт возьми, зенитные батареи не встретили гитлеровскую авиацию на подлете к Ломову? – рявкнул Грунов.

Командир дивизиона не остался в долгу:

– А потому, что снаряды к орудиям вместо вчерашнего вечера подвезли на склад дивизиона только сегодня в 8.10. А их еще надо было развезти по батареям. Как комбаты получили снаряды, так и открыли огонь. И не надо на меня кричать, Дмитрий Алексеевич, сам голос едва не сорвал.

– Так, значит? Но тогда ответь, почему я не знал о том, что твои батареи целую ночь стояли без боеприпасов?

– Ждали. Связывался с начальником ПВО армии, генерал Артемьев передал, что колонна сформирована и скоро выйдет к нам. Это «скоро» продолжалось до утра.

– Понятно, бардак есть бардак. Потери в дивизионе есть?

– Есть. Два расчета вместе с орудиями уничтожены, пятеро раненых, два тяжелых, три орудия повреждены, но будут восстановлены. Огнем зенитных батарей уничтожены три «юнкерса» на встречном курсе при втором заходе, один «мессер». Пилоты не выпрыгнули, самолеты упали в районе леса. Добро, что не на город, а то уничтожили бы дома с людьми.

Грунов приказал:

– Рапорт об отражении воздушной атаки мне на стол к 12 часам.

– Есть.

– И смени позиции батарей, установи маскировку.

– Да знаю я, что делать.

– Выполняй приказ!

Начальник штаба вызвал дежурного по узлу связи:

– Капитан!

– Я, товарищ полковник.

– Что-то голос у тебя слабый.

– Да кровь остановить не могу. Зачем я вытащил осколок?

– Кто у тебя в наряде?

– лейтенант Яковлева.

– Ты вот что, Лавров, возьми бойца в помощь и иди-ка в госпиталь, потеря крови – это серьезно, дежурство передай лейтенанту.

– Есть.

В трубке раздался грудной голос молодой женщины:

– лейтенант Яковлева.

– Свяжи-ка меня, лейтенант, с начальником железнодорожной станции.

– Извините, не могу, со станцией связи нет. Видимо, оборваны провода, телефонисты уже вышли на проверку.

– Тогда давай штаб армии, генерала Сазонова.

– И со штабом армии связать не могу по той же причине. Как только телефонисты установят обрывы, я доложу.

– Добро, отбой.

Полковник, бросив трубку, прошел в свой кабинет.

Там у разбитого окна стоял его заместитель, подполковник Дургин.

– Ты уже здесь? А где Сазонов?

– Начальник разведки в госпитале.

Грунов нахмурился:

– В госпитале? Ранен?

– Нет, Дмитрий Алексеевич, у Саши же там «полевая жена», медсестра, вот и пошел узнать, как она.

– Нашел время.

Грунов выбил из пачки «Казбека» папиросу, прикурил. Предложил заместителю. Тот отказался:

– Накурился уже, пока ждал вас. Скажите мне, полковник, почему немцы именно сегодня нанесли по городу авиационный удар?

Грунов пожал плечами:

– Видимо, командир авиационного полка не знал о делах разведки.

– Сомнительно, чтобы его не предупредили. Ведь всех нас могло порвать на куски в штабе.

– Не порвало же, и вообще, Федор Архипович, давай ступай в госпиталь, забирай Сазонова, Тернова с его людьми и с машинами подъезжай к разрушенному крылу штаба.

Дургин сказал:

– Это не останется без внимания дивизионного комиссара, а Иван Александрович Антохин помешан на бдительности. У него, как и у начальника особого отдела, везде враги или в лучшем случае их пособники. У вас есть что сказать им, если увидят, как мы выезжаем?

– Естественно. Более того, я оставляю за себя Антохина.

– Хороший ход.

– Это не ход, так положено по штату в отсутствие командира и его прямого заместителя. А у нас генерал в штабе фронта, а вместо погибшего генерала Решко еще никого не прислали. Ну, ступай, ступай, время и так поджимает.

Подполковник ушел.

Начальник штаба открыл сейф, достал захваченные из секретной части документы и карты, сложил в портфель, проверил «ТТ». Снял трубку телефона:

– Лейтенант Яковлева.

– Соедините с дивизионным комиссаром.

– Так он только что с начальником особого отдела у нас был. Они пошли к себе. Может, я делаю что-то не так, товарищ полковник, но как соединить с начальством, если его нет в кабинетах?

– Все правильно, лейтенант, я их встречу.

И тут же в его кабинет зашел начальник политотдела корпуса дивизионный комиссар Антохин.

Звание «дивизионный комиссар» соответствовало армейскому званию «генерал-майор». И должность начальника штаба была генеральской. Так что по штату в отсутствие командира корпуса и заместителя командира обязанности командира обычно исполнял НШ.

– Рад видеть вас живым и невредимым, Дмитрий Алексеевич, – улыбнулся кривой ухмылкой политработник.

– Вас так же, Иван Александрович, собирался к вам, а вы сами зашли.

– Причина? – несколько удивленно спросил комиссар.

– Есть причина. Мне надо срочно выехать в расположение N-ской стрелковой дивизии, которая дислоцируется на стыке с дивизией соседнего корпуса.

– Я знаю, что и где у нас расположено. Один вопрос: для чего вы выезжаете в дивизию?

– Я обязан отчитываться перед вами?

– Нет, я просто прошу ответить на мой вопрос.

– Задайте его командиру корпуса, как вернется.

– Хорошо. А что вы нервничаете?

– А то, товарищ дивизионный комиссар, что положение корпуса тяжелое. Если немцы на нашем направлении начнут масштабное наступление, долго мы не продержимся.

Взгляд начальника политотдела стал колким:

– Вот только давайте без паники. Сейчас не 41-й год, чтобы отступать. Немцы бросили все силы на Сталинград. Вот где будет рубка. Уверен, победа наших войск под Сталинградом в корне изменит весь ход войны и сломит хребет фашизму.

Начальник штаба не стал говорить, что произойдет, если не Красная армия, а гитлеровцы одержат эту победу. Это станет катастрофой. Но дивизионный комиссар не из тех людей, которых можно посвящать в свои мысли. Все переиначит, все исказит... себе на пользу. Впрочем, дела на фронте Грунова уже мало интересовали.

– Никакой паники. И вы правы, мы разгромим фашистскую Германию. Не в этом, так в следующем году.

– Вот так-то лучше. А зачем вы хотели видеть меня?

– Чтобы передать командование корпусом до своего или генерала Воронина возвращения.

– Считайте, что передали. Аккуратнее на передовой.

– Конечно. Да, со мной едут ЗНШ и начальник разведки.

– Охрана?

– Четыре человека.

– Не мало?

– Мы же в своем тылу.

– Ну да, ну да. Что ж, удачи.

– Благодарю.

Дивизионный комиссар ушел.

Начальник штаба проводил его тяжелым взглядом. Начальник политотдела спустился по центральной лестнице, Грунов, забрав портфель, вышел на улицу через пожарный выход, дошел до разрушенного крыла. Завалы не разбирались, он специально не отдал команды на это.

Недалеко за поваленным забором стояли «эмка» и «ГАЗ-4», новый советский пикап. У первой машины – заместитель начальника штаба Дургин, начальник разведки Сазонов, водитель, младший сержант Белик. У «ГАЗ-4» – командир взвода штабной роты лейтенант Тернов – старший охраны, водитель ефрейтор Гусько. В кузове сержант Буленко, красноармейцы Караян и Гурич.

Уже от развалин полковник подал команду:

– Все по местам!

Водитель и офицеры заняли места в автомобилях.

В «эмку» за старшего сел начальник штаба, позади Дургин и Сазонов, в «ГАЗ-4» – Тернов, Гусько и трое бойцов в кузове.

Полковник взглянул на Белика:

– Вперед, Боря, на Ленина, с нее сразу же на Заводскую, мимо госпиталя, на шоссе.

– Извините, товарищ полковник, – проговорил водитель, – а дальше куда?

– В N-скую стрелковую дивизию, в штаб.

– Понял.

– Но, Боря, – попросил начальник штаба, – по шоссе пройдешь не более километра, далее будет грунтовка, уходящая в лес, свернешь на нее.

Младший сержант удивился:

– Так мы на этой грунтовке подвеску оставим, товарищ полковник.

– Ничего. Лучше оставить подвеску, чем попасть под «юнкерсы», а у немецкой авиации сегодня, похоже, загруженный день. Скоро вновь налетят на Ломов, ну и, естественно, не пропустят автомобили на шоссе.

Младший сержант вздохнул:

– И чего они так взялись за этот городок? Или у них других целей нет для бомбардировок? Та же передовая, областной центр.

– Немцам, Боря, возможно, стало известно, что в Ломове находится штаб корпуса, а это цель серьезная. Передовую же и областной центр они тоже не забудут.

– Понятно. Заявились, суки, на нашу голову. И чего люди воюют, товарищ полковник? Жили бы в свое удовольствие, кто в Союзе, кто в Германии. Ведь и у них революция была.

– Что, хорошо жил, Боря, в своем колхозе?

– Неплохо. У нас колхоз большой... был. Под пять тысяч народу, клуб двухэтажный, прямо перед войной поставили, своя школа начальная, когда меня призывали, начинали строить семилетку. Больница хоть и небольшая, а все есть где подлечиться. Особенно хорошо летом, как сейчас. Как стемнеет, после клуба возьмешь девчонку и к реке. Там голыми в воду, потом... ну, сами понимаете. Нет, хоть и прижимали с работой, но жили хорошо, в достатке, в город особо никто не рвался.

Полковник спросил:

– Ты ведь женатый у нас?

– Не-е, это Гусько женатый. Мы с ним с одного села. Вместе призывались.

– А ты, значит, девок портил?

Младший сержант утер нос.

– Не без этого, но с их согласия. Не насильничал. Были у меня...

Начальник штаба прервал младшего сержанта:

– Потом, Боря, расскажешь, смотри вперед, за подъемом поворот на грунтовку.

– Понял.

Колонна свернула в лес, пошла по извилистой грунтовке.

Лейтенант Тернов, старший группы охранения, удивился маневру «эмки»:

– И чего они на грунтовку ушли? Это же крюк какой до штаба дивизии!

Гусько спокойно ответил:

– Начальству виднее, товарищ лейтенант. Думаю, начальник штаба боится налета авиации. Ведь в лесу нас не видно с воздуха, а шоссе – как на ладони. Немцы же большие любители поохотиться за командирскими машинами.

– Наверное, ты прав.

– Вот только впереди разрушенная деревня Стеренька вдоль берега реки Стерны, через реку мост. Если он тоже разрушен, как и деревня, то придется возвращаться. Стерна хоть и неширокая река, а глубокая.

– Ты откуда знаешь?

– Ездили туда с командиром роты.

– Да? – удивился лейтенант. – И зачем, если не секрет?

– Вы ротному не скажете?

– Нет, слово офицера.

– Медсестра у него там в госпитале. С ней и выезжали в Стереньку. «ГАЗ-4» удобная машина. В кузове места для любовных утех более чем достаточно, и из-за бортов не видно. А пока они миловались, я пошел искупаться. Как раз у моста. Он тогда целый был. Сунулся – от берега сразу глубина, прошел вдоль всей деревни, спешить-то некуда, в одном месте только мелко, но на середине с головой.

– Ну, капитан, молодец. И что за медсестра?

– Извините, товарищ лейтенант, этого не скажу. Не мое это дело.

– И правильно. Ну что ж, будем надеяться, что мост сохранился и не придется возвращаться. А Грунов верно поступил, что свернул в лес. Утренней бомбардировкой сегодня дело не кончится. Налетят «крестовые» еще пару раз, если уж взялись за Ломов. Ты, Леша, не жмись к «эмке», соблюдай дистанцию, а то резко затормозит, и сомнешь ей зад.

Водитель «ГАЗ-4» сбавил скорость.

Поездка по лесу заняла около получаса. В это время над лесом пролетели две «рамы». В основном эти самолеты использовались немцами в разведывательных целях, но могли и атаковать. На вооружении они имели два пулемета, могли нести четыре пятидесятикилограммовые бомбы. Далеко не безобидные «птички». Самолеты ушли в сторону городка, это говорило о скором повторном налете «юнкерсов».

Гусько, когда стих шум самолетов, взглянул на взводного:

– А ведь Грунов как в воду смотрел. Будь мы на шоссе, эти «рамы» могли разнести нас в клочья.

– Могли разнести, а могли и уйти, это смотря какая задача поставлена экипажам, но то, что в лесу намного надежнее и безопаснее, очевидно. Через кроны пилоты нас не видят.

– Не появились бы они у Стереньки. К деревне дорога выходит из леса и идет по полю где-то с километр.

– Воздушная разведка ушла, а налет немцы проведут на город, так что беспокоиться не о чем.

– Интересно, где наши «яки» с военных аэродромов армии?

– Там, где надо. Да и в полках не более восьми-десяти истребителей. Немцы, атакуя утром Ломов, девять бомбардировщиков прикрывали шестью «мессерами». У них с авиацией порядок.

– И у нас был бы порядок, если бы в начале войны не потеряли и аэродромы, и самолеты.

– Ничего, промышленность работает, американцы помогают по Ленд-лизу, скоро наши начнут гонять «мессеры».

Водитель вздохнул:

– Ну дай-то бог!

Лейтенант удивился:

– Ты, ефрейтор, комсомолец?

– Не-е, – улыбнулся водитель, – кандидат в члены ВКП (б).

– Тем более, а бога поминаешь?

– Невольно вырвалось. Да и чего греха таить, на передовой перед боем все молятся: и партийные, и беспартийные, и красноармейцы, и командирский состав.

– Ты прекрати это.

– Есть! А вот и поле.

«Эмка» пошла по грунтовке открытого места. Она шла прямо к развалинам, к мосту.

Младший сержант Белик увеличил скорость.

Его примеру последовал и Гусько.

Пассажиры затрясло, из кузова донеслось:

– Эй, водила, не дрова везешь.

Тернов крикнул бойцам охраны:

– А ну оставить разговорчики, смотри, какие нежные.

«Эмка» резко затормозила у реки. Мост был разобран. Именно разобран, а не разрушен.

Бревна валялись тут же, на берегу.

Лейтенант Тернов сориентировался мгновенно:

– Группа, к бою!

Бойцы выскочили из кузова, укрылись в ближних развалинах.

Вышли из «эмки» и офицеры.

Тернов крикнул начальнику штаба:

– В укрытие, товарищ полковник. Кто-то специально разобрал мост. Это может быть засада.

Но старшие офицеры на удивление вели себя спокойно.

– Лейтенант, – ответил начальник разведки, – кому здесь, в этой глуши, устраивать засаду? На кого? По этой грунтовке никто не ездит.

Тернов поднялся, подошел к офицерам.

– Но кто-то же разобрал мост!

Дургин усмехнулся:

– Да наши и разобрали.

– Зачем?

– Ты не слышал о диверсионных группах? Вот разведзвод или какое другое подразделение N-ской дивизии и разобрали мост. С той стороны теперь только вплавь можно переправиться.

– Но тогда проще было подорвать его.

Вперед вышел начальник штаба:

– Как думаешь, лейтенант, если бы тут была устроена засада, стояли бы мы на берегу и вот так спокойно беседовали?

Тернов смутился:

– Никак нет. Нас уже отправили бы на тот свет. Но разрешите осмотреть развалины?

– Это только время терять. Бери своих бойцов, водителей, и давайте укладывайте бревна обратно. Полчаса вам на восстановление моста.

– Но... мы охрана.

Грунов повысил голос:

– Тебе не понятен приказ, лейтенант?

– Никак нет, все понятно. Разрешите выполнять?

– Давно пора.

Тернов передал бойцам команду:

– Ко мне!

Подшли и охрана, и водители.

– Оружие сложить у «эмки», снять гимнастерки и класть бревна на пролеты. Вперед!

Находившийся рядом с Терновым сержант Буленко проговорил:

– Не нравится мне все это, товарищ лейтенант.

– А мне, думаешь, нравится?

– Разрешите хотя бы одного бойца с автоматом держать в развалинах. Если что, прикроет или предупредит.

– Ты приказ начальника штаба корпуса слышал?

– Слышал.

– Он что-нибудь сказал о прикрытии?

– Никак нет!

– Ну, тогда и трепаться нечего. Восстанавливайте мост. За обстановкой я прослежу.

– Ну тогда оружие оставлять не надо.

– Хорошо, работайте с оружием, только мешать оно будет.

– Ничего. Как-нибудь.

Полковник крикнул:

– Лейтенант, до тебя плохо доходит? Я приказал восстановить мост и не болтать почему зря. Работать быстрее.

– Есть, товарищ полковник.

Он кивнул бойцам. Те сняли ремни, гимнастерки, но автоматы и винтовки оставили при себе.

Видя это, начальник разведки крикнул:

– Умора, да и только. Тернов, ты чего показуху устраиваешь? Оружие будет мешать.

– Так безопаснее.

Старшие офицеры рассмеялись.

Тернов подумал: «И чего смеются? А вообще ведут себя странно. Их словно подменили: в штабе были всегда подтянутыми, строгими, а здесь вдруг расслабились. Хотя обстановка к этому не располагает».

Он встал за «эмку», привел «ППШ» к бою.

Бойцы начали таскать бревна, укладывая их на опоры.

Тернов внимательно осматривал округу. Никого. Может, он напрасно нервничает? И все же что-то здесь было не так.

Бойцы управились за двадцать минут.

Потный сержант Буленко доложил:

– Товарищ лейтенант, мост восстановлен, разрешите искупнуться, пот и грязь смыть.

Тернов повернулся к начальнику штаба:

– Товарищ полковник, можем ехать, но бойцы вспотели, испачкались, разрешите обмыться?

Грунов улыбнулся:

– Конечно, пусть обмоются. Надеюсь, в реку твои бойцы оружие брать не будут?

– Мои нет, ваш водитель – не знаю.

– Он не глупее твоих. Десять минут вам. В 10.20 продолжаем движение.

– Есть.

Лейтенант отдал команду:

– Десять минут окунуться. Вперед.

Бойцы и водители зашли в воду.

Тернов встал на берегу, продолжая отслеживать обстановку.

Вдруг в развалинах что-то блеснуло.

Он вскинул автомат:

– Товарищ полковник, деревня!

– Что «деревня»?

– Там кто-то есть, я проверю?

Ответил начальник разведки:

– Да собака или кошка одичавшая там.

– Они шума не поднимают.

Грунов сказал:

– Ну, если хочешь, проверь. Товарищи офицеры, оружие к бою.

Полковник, заместитель и начальник разведки достали пистолеты «ТТ», передернули затворы.

«Ну хоть так», – подумал Тернов, направляясь в развалины.

Он прошел метров десять до первого заваленного плетня. И тут услышал, как хлопнул выстрел, почувствовал резкую боль в спине. Не понимая, что произошло, повернулся. От «эмки» в него выстрелил майор Сазонов, следом прогремели автоматные очереди.

«Почему?» – единственное, что успел подумать лейтенант перед тем, как рухнуть на плетень.

А с берега, подняв автомат, купавшихся бойцов хладнокровно расстреливал подполковник Дургин. Ему хватило нескольких очередей, чтобы убить и водителей, и группу охраны. Они находились у берега, кучно.

Тела поплыли по течению, довольно сильному здесь, отчего-то перевернувшись спинами вверх.

Подполковник опустил автомат, взглянул на Грунова:

– Ну вот и завершился первый этап, Дмитрий Алексеевич.

Начальник разведки подошел к телу Тернова, выстрелил ему в затылок. Сунул пистолет в кобуру, вернулся к офицерам.

– Готов лейтенант. Он что-то заподозрил.

– Теперь это не важно, – взглянув на часы, сказал начальник штаба, – важно другое: где немцы? Они должны были войти в Стереньку двадцать минут назад.

Дургин проговорил:

– Подойдут. Тропой лесной от временной базы идут. По нашей карте, а по ней и заблудиться недолго. Выйдут, к реке с той стороны много троп подходит. И потом...

Он не закончил. С северной стороны из леса вышла группа мужчин, одетых в советскую полевую форму сержантов и красноармейцев.

Шедший впереди махнул рукой. Полковник ответил тем же.

– Ну вот и наши.

– Наши? – восторженно воскликнул Сазонов.

Грунов рассмеялся:

– Конечно, наши, кто же еще?

– Вы имеете в виду группу встречи?

– Сазонов, ты что, от Тернова заразился? Кто еще может выйти к нам?

– Ну да, извините, товарищ полковник, заклинило.

– Смотри, чтобы больше не заклинивало, немцам такие не нужны.

Группа «красноармейцев» прошла мост. Старший вскинул руку:

– Хайль Гитлер, господин полковник.

– Хайль, гауптман, вы опоздали.

– Нет, полковник, задержались. Немного отошли от основной тропы. Ваши карты – это какое-то недоразумение.

– Пользовались бы своими.

– Те еще больше запутают.

Он пожал руку полковнику, Дургину, Сазонову. Подозвал остальных, представил:

– Знакомьтесь, господа, обер-лейтенант Вилли Глаузер, лейтенант Георг Ройле, фельдфебели Райнер Денберг и Дитмар Моппер. Последний – и водитель, и радист.

За спиной у фельдфебеля в ранце – радиостанция.

Представил гауптман своих подчиненных и советских офицеров. Бывших советских офицеров. После чего гауптман Хальзер сказал:

– Нам надо выйти на связь с командиром батальона, подразделение которого должно обеспечить нам проход линии фронта. Вы должны знать, откуда можно это сделать.

– А достанет ваша радиостанция до вашего комбата, Альрих?

– О да. Это хорошая радиостанция. Новая, из серии последних разработок.

– Тогда связывайтесь. Ни в корпусе, ни в дивизии не ведется радиоперехват и пеленгация. Не до этого. – Он улыбнулся. – Слишком быстро вы наступали, гауптман. Но блицкриг вам все же не удался.

– За Москву наша армия возьмет реванш под Сталинградом. Да, генеральный штаб недооценил упорство, с каким воюют русские солдаты, но это и еще ваши проклятые морозные зимы и непроходимые дороги отсрочили победу рейха. Но только отсрочили. Непобедимая германская армия совместно с союзниками разгромит Красную армию. И в этом мое руководство рассчитывает и на тот вклад, который должны внести вы в нашу общую победу.

– Мы оправдаем надежды, гауптман.

Старший гитлеровской диверсионно-штурмовой группы кивнул радисту:

– Разворачивай станцию, Дитмар. Вызывай майора Шломмера.

– Слушаюсь, господин гауптман.

Радист устроился позади «эмки». Снял ранец, выставил радиостанцию, лучевую антенну перебрал через автомобиль, провел настройку, начал вызывать:

– «Вольфа» вызывает «Ферстер»! Прием! – Поморщился от треска и шумов. Повторил: – «Вольф»! Я – «Ферстер», прием!

И так несколько минут, наконец Моппер воскликнул:

– Есть связь, господин гауптман.

Командир диверсионной группы взял гарнитуру:

– «Вольф», как слышишь?

Откуда-то, словно из-под земли, донеслось:

– Слышу, «Ферстер».

– Где «Первый»?

Раздался голос постарше:

– На связи!

– Докладываю, первый этап завершен, нужных людей встретил, выдвижение в квадрат...

Он назвал условный квадрат, несмотря на заверения Грунова, что радиостанция не отслеживается.

– Это... понял. Туда, откуда должна пойти посылка.

– Да. Обеспечьте прием. Сигнал для активных действий прежний. Проход там же.

– Понял, прием посылки обеспечим.

– До связи, «Вольф».

– Удачи и до встречи.

Гауптман бросил гарнитуру радисту:

– Сворачивай станцию и в кузов, под лавку, в ящик.

– Слушаюсь.

Гауптман, имевший петлицы сержанта РККА, подошел к Грунову:

– Можем ехать, господин полковник.

– Как поедem?

Хальзер не понял:

– В смысле – как?

– Я имею в виду по обычному маршруту?

– Конечно.

– Кто будет за водителей?

– Фельдфебели Денберг и Моппер.

– Но последний, как я понимаю, радист.

– Он и радист, и водитель. Вы с подчиненными в «эмке», я с Глаузером и Ройле в «ГАЗ-4». Кстати, из штаба корпуса в дивизию не могли передать, с какой по численности охраной вы выехали?

– Нет. Тем более что в штабе дивизии никому в голову не придет проверять это.

– Даже особистам?

– Даже им.

– Хорошо, тогда обмундирование ваших солдат и труп лейтенанта – в реку, дальше рассаживаемся по машинам, проходим мост и встаем.

– Встаем? Почему?

– Нам надо забрать сумки с маскировочными халатами. Думаю, они не будут лишними при переходе линии фронта.

Полковник ответил:

– Если ваши обеспечат проход как надо, могут не потребоваться.

Гауптман усмехнулся:

– Не ваши, полковник, а наши. И давайте больше не повторяться.

– Как говорят, гут, герр гауптман.

Диверсанты собрали гимнастерки, связали в узел, уложили в него камни, бросили в воду. Потасили к берегу труп Тернова, закинули в реку, забрали пистолет, подобрали автоматы, винтовки, лишние забросили в реку.

Колонна миновала мост, остановилась.

Из кузова «ГАЗ-4» выпрыгнул лейтенант Ройле. Он, как и все диверсанты, кроме Хальзера, был одет в форму красноармейца. Скрылся в кустах. Вскоре вернулся, бросил в кузов две увесистые сумки.

Хальзер подал знак Грунову, и «эмка» пошла вперед по извилистой лесной дороге.

Около шести километров проехали спокойно. С запада показалась авиация немцев: три звена «юнкеров» под прикрытием шести «мессеров» – наверняка налет на Ломов.

С заднего сиденья Сазонов, наклонившись вперед к Грунову, спросил:

– Интересно, на этот раз уцелеет штаб корпуса?

– Это так важно?

– А госпиталь?

Полковник повернулся:

– А что за баба у тебя в полевом госпитале?

– Баба как баба: тридцать лет, медсестра, разведена, где-то на Урале двое детей у родителей. Но в постели хороша, этого не отнять.

– Потому и спал с ней?

– Ну не для того же, чтобы жениться?

– А ведь, наверное, обещал.

– Обещал, врать не буду, а кто не обещает? Бабы чувствуют, когда мужики врут, но хотят верить, потому и не отказывают. Мужичу баба нужна больше, чем бабе мужик.

Дургин усмехнулся:

– Это смотря какому мужичу.

Грунов прервал их разговор:

– Отставить болтовню, посерьезнее будьте, господа офицеры.

Водитель, фельдфебель Денберг, прекрасно понимавший по-русски, слушал бывших уже советских офицеров и лыбился. Поэтому полковник и оборвал подчиненных.

Дерево упало на грунтовку неожиданно, метрах в пятидесяти от колонны. Водители по-немецки выругались.

Из леса вышли красноармейцы с винтовками, с ними лейтенант. Молодой, лет двадцати, видно, только недавно прибыл из училища.

Солдаты взяли автомобили на прицел.

Лейтенант поднял руку, подошел к «эмке», увидел петлицы Грунова, вытянулся по струнке:

– Товарищ полковник, извините, тыловой пост охранения штаба дивизии. Я лейтенант Круглов, разрешите ваши документы?

Грунов открыл дверку:

– А что это за цирк вы тут устроили, лейтенант? Не пост, а какая-то партизанщина. Что за фокусы с поваленным деревом?

Лейтенант замялся, покраснел:

– Таковы были инструкции командира роты.

– Недавно в войсках?

– Две недели.

– Понятно, разыграл тебя твой ротный. Но с ним мы еще разберемся. А документы? Пожалуйста.

Он показал удостоверение.

Лейтенант смутился, немного покраснел:

– Начальник штаба корпуса? Еще раз извините, товарищ полковник. Меня почему-то не предупредили, что вы должны подъехать. Да еще этой дорогой.

– Грунтовка, лейтенант, выбрана не случайно, она большей частью проходит лесом, а это защита от авиации. Понял?

– Так точно, товарищ полковник.

– Документы вернешь или решил на память себе оставить?

– Вот, пожалуйста.

– Ничего, лейтенант, скоро пройдет боязнь начальства. Поначалу так почти у всех бывает.

У тебя пост оборудован?

– Так точно, немного глубже: блиндаж, траншеи – все как положено.

– Связь со штабом дивизии?

– Есть. Проводной телефон.

– Странно было бы, если бы тебе дали радиостанцию. Ты вот что, как зовут-то?

– Максим. – Лейтенант вновь отчего-то покраснел.

– Ты вот что, Максим, как мы проедем, сообщи в штаб дивизии, чтобы встретили.

– Может, вам сопровождение дать?

– Эх, лейтенант, знал бы, сколько раз я тут бывал. Не хуже комдива знаю расположение частей и коммуникации. Ты понял меня?

– Так точно.

– Сам пост закрыт?

– Так точно, передвижное проволочно-деревянное ограждение.

– Пусть солдаты откроют. И обязательно сообщи в штаб о нашем с офицерами прибытии.

– Есть, товарищ полковник.

Лейтенант отдал команду. По грунтовке за изгиб леса побежали два солдата.

– Удачи тебе, лейтенант, – сказал Грунов, засовывая удостоверение в карман. И приказал водителю, называя гитлеровца именем убитого красноармейца: – По-тихому вперед, Борис.

Вскоре колонна въехала в село Березовое, где располагался штаб дивизии. Командир соединения с бригадным комиссаром и начальником штаба уже ждали начальство.

Как только «эмка» остановилась у крыльца большого дома, бывшего правления колхоза, комдив двинулся к машинам. Козырнул начальнику штаба корпуса:

– Товарищ полковник, в подчиненном мне соединении...

Грунов отмахнулся:

– Знаю, что происшествий у тебя не было, Семен Аркадьевич. Как сам-то?

– Да нормально, пока держимся.

Начальник штаба корпуса пожал руку полковнику Литовцеву.

Бригадный комиссар, начальник политотдела соединения, не поприветствовав Грунова, цинично проговорил:

– Ну почему, Семен Аркадьевич, пока держимся? Полки, отдельные батальоны, дивизионы, роты основательно закрепились на новых рубежах. Немцам придется очень постараться, чтобы прорвать оборону.

Комдив взглянул на начальника политотдела:

– Не сомневайся, Богдан Владимирович, постараются и так, что... но это уже лишнее.

Грунов кивнул:

– Вот именно.

Он кивнул бригадному комиссару Будко:

– Вы, Богдан Владимирович, занимайтесь своими делами. Начальнику штаба – подготовить всю секретную документацию. Я посмотрю ее позже.

НШ дивизии полковник Чеканов и начальник ПО бригадный комиссар Будко удалились в штаб.

На дворе остались Грунов и Литовцев, чуть позади, у «эмки», Дургин и Сазонов.

Грунов достал пачку «Казбека», протянул комдиву:

– Угощайся.

Старшие офицеры закурили.

Осмотревшись, Грунов взглянул на комдива:

– Значит, говоришь, пока держитесь?

– Так точно.

– И что означает «пока»? По-моему, комиссар более оптимистично смотрит на обстановку.

– На то он и политработник, а обстановка в зоне ответственности дивизии, о чем я уже дважды докладывал в штаб корпуса, становится все напряженнее, Дмитрий Алексеевич.

– В чем это выражается? Ты извини, последнее время делами с передовой занимался ПНШ, а мне была поставлена задача из штаба армии, потому я не в курсе.

– Может, пройдемся, Дмитриии Алексеевич? Или поднимемся в мой кабинет?

– Нет, в кабинет если пойдем, то позже, дела, и насиделся я в машине. Если ты устал, то другое дело.

– Да уж ночь пришлось провести бессонную.

– Что произошло?

– Немцы пытались провести разведку боем. Механизированная рота на «Ханомгах.251», усиленная танковым взводом, пыталась прорваться в районе 210-го стрелкового полка. Отбились благодаря своевременному введению в бой гаубичного дивизиона и отдельной пулеметной роты. Четыре бронетранспортера уничтожены, один танк поврежден, пехоты положили десятка два. Кутерьма продолжалась с трех до пяти часов. У нас тоже есть потери и в личном составе, и в технике. Немецкие танки уничтожили один артиллерийский расчет, повредили орудие, две машины, хорошо без боеприпасов. Три бойца погибли, восемь ранены, из них двое тяжелых. Раненых отправили в медсанбат.

Начальник штаба корпуса спросил:

– И как близко к линии обороны удалось подойти усиленному подразделению прорыва?

– На расстояние от тридцати до пятидесяти метров.

Грунов удивился:

– Так близко? А где же саперный батальон? Почему не выставили мины непосредственно у передовой?

– Где бы еще взять эти мины? Нет, противопехотные есть, а вот с противотанковыми просто беда. Все, что было, выставлено, арсенал батальона пуст. Я направлял заявку, кстати, – он кивнул на ЗНШ, – подполковнику Дургину, ответа не дождался.

– Разберемся на месте. Будут тебе мины. На корпусных складах они есть.

– Это хорошо.

– Что еще тебя тревожит?

Командир вздохнул:

– Немцы стягивают к линии фронта технику. В основном танки. Полковой разведке того же 210-го полка удалось пройти по тылам гитлеровцев. Вести нерадостные.

– Говори понятнее.

– В дивизии, что стоит против нас, танков в два раза больше положенного по штату. Подтянули гитлеровцы и еще один артиллерийский полк. В лесу, в тылу дивизии, раньше стояли танковые части, сейчас в нем три моторизованных батальона, две минометные батареи. В небе постоянно висят «рамы». Вот и оценивайте, Дмитрий Алексеевич, обстановку. По сути, немцы

усилили свою дивизию до двух соединений. Учитывая их возможности в воздухе, соотношение сил явно не в нашу пользу.

– Понятно. Ты отправил доклад по текущей обстановке?

– Начальник штаба составил, я подписал, хотел отправить, а теперь передам вам здесь, на месте.

– Хорошо. Изучим обстановку, примем меры. Я доложу командиру корпуса о необходимости усилить твою дивизию подразделением резерва.

– Мне бы танков и артиллерии.

– Решим вопрос, Семен Аркадьевич. Полностью, конечно, все дыры не закроем, но поможем.

– И на том спасибо. Время обеда, Дмитрий Алексеевич.

Грунов, взглянув на Хальзера:

– Поеду в 210-й полк, посмотрю, где немцы пытались прорваться, там же в полку и пообедаю.

– Я дам вам сопровождающего.

– Не надо, Семен Аркадьевич, я знаю, как проехать к полку. А там командир встретит.

– Хорошо. Я вам нужен?

– Да нет. Обстоятельно поговорим, когда вернусь. Обсудим обстановку, а ты пока подготовь полный перечень того, что требуется соединению.

– Есть, товарищ полковник.

Командир полка майор Строгин встретил начальника штаба корпуса у своего блиндажа. Вскинул руку, шагнул для доклада.

Грунов перебил его:

– Отставить, Андрей Васильевич, я ненадолго, посмотрю, где пытались прорваться немцы.

– Это в районе второй роты первого батальона, а вот, кстати, и комбат.

– Позовите.

Командир полка окликнул раненого офицера.

Тот подошел, представился:

– Командир 1-го стрелкового батальона, майор Терентьев.

– Начальник штаба корпуса полковник Грунов.

Комбат улыбнулся:

– Я в курсе.

– Значит, ваш, майор, батальон пресек попытку прорыва?

– «Пресек» громко сказано, основную работу сделала артиллерия и пулеметчики отдельной пулеметной роты. Ну и мы внесли, конечно, свою лепту.

– Мне надо посмотреть место прорыва.

Майор Терентьев взглянул на командира полка, тот кивнул:

– Проводи, Николай.

Офицеры и охрана прошли на передовую в расположение третьего взвода, второй роты. На передовой их встретили ротный, лейтенант Самедов и командир взвода старшина Агарян. После тяжелых, кровопролитных боев в полку, как и во всем корпусе, был недостаток в офицерских кадрах. Молодых, только из училища, лейтенантов назначали ротными, а где-то и комбатами, взводами в большинстве случаев командовали старшины и сержанты.

Комбат представил начальство, спросил у Грунова:

– Разрешите отлучиться, товарищ полковник, мне надо боеприпасы для батальона получить. А о ночной попытке прорыва вам все обстоятельно доложит командир роты.

– Да, конечно, занимайтесь, – разрешил начальник штаба корпуса.

Комбат ушел. Возле пулеметной позиции, в траншее, где находились еще два стрелка, остались Грунов, Дургин, Сазонов и гауптман Альрих Хальзер с группой.

Начальник штаба корпуса взглянул на гауптмана. Тот кивнул, что означало: переход здесь.

Полковник перевел взгляд на Самедова:

– Докладывай, лейтенант.

Глава вторая

Самедов доложил о внезапном обстреле, появлении танков на возвышенности метрах в восьмистах от передовой, которая хорошо видна отсюда.

– Они сразу открыли огонь.

– Сколько было танков?

– Взвод, четыре Т-IV. Они как раз разместились на возвышенности. Из глубины били гаубицы, минометы, пришлось укрыться. В это время немцы сняли свои заграждения и в поле, на нейтральную полосу вышли бронетранспортеры, поливая передний край из пулеметов, пехота сначала была в бронетранспортерах, затем спешилась.

– Механизированная рота имела «Ханомаги»? – спросил начальник разведки.

– Так точно, 251-е. Тут уже ударил наш артиллерийский дивизион. Со второго эшелона подошла пулеметная рота, открыла огонь по пехоте, ну и мои бойцы, придя в себя, начали стрелять. Потеряв три «Ханомага», танк и около взвода пехоты, разведывательная группа под прикрытием все той же гаубичной артиллерии отошла назад. Что характерно, тела погибших гитлеровцы забрали.

Спросил Дургин:

– Подойдя вплотную к вам, имея еще два танка и не менее семи бронетранспортеров и два взвода пехоты, немцы отступили?

Лейтенант ответил:

– Так точно, по ним открыли огонь другие роты батальона, минометный взвод. Да и артдивизион продолжал стрелять. К тому же в ротах есть свои пулеметные взводы и противотанковые расчеты.

Грунов неожиданно спросил:

– Это был твой первый бой, лейтенант?

– В качестве командира роты – да, до этого я воевал взводным. Но недолго. Меня в полк прислали из училища в мае месяце. Досрочный выпуск. Прибыл младшим лейтенантом, а как назначили командиром роты вместо погибшего капитана, присвоили лейтенанта.

Начальник штаба корпуса кивнул:

– Понятно. В полку таких много.

– Зато комбат у нас опытный. С финской воюет.

– Терентьев? Этот, да. Его пора уже на полк ставить. Наверное, придется, потери несем большие.

Лейтенант вздохнул:

– К сожалению.

Начальник разведки спросил:

– И после попытки прорыва на линии фронта спокойно?

– Так точно, ну если не считать, что пару раз налетали четыре «юнкерса», одного, кстати, сбили наши пулеметчики. Самолеты особого вреда не нанесли – вспахали поле перед передовой и ушли. Как будто приказ такой имели.

Грунов переглянулся с Хальзером, курившим самокрутку неподалеку.

Лейтенанту и в голову не могло прийти, что он на все сто процентов прав. И «попытка» проведения разведки, и авиационный налет были звеньями одной цепи в общей операции абвера.

По траншее пробежало:

– Рота, обед! Бери, мужики, котелки, повара кашу принесли.

Грунов перевел взгляд на Самедова:

– Вам пищу доставляют качественную?

– Так точно, по питанию вопросов нет.
– Это хорошо. И прямо в траншее?
– Так точно, но ближе к общему блиндажу. На время завтрака, обеда и ужина на позициях остается только один пулеметный расчет и по два бойца с каждого взвода в качестве наблюдателей.

– А если в это время немцы пойдут в атаку? – спросил Дургин.

Самедов ответил:

– Так чтобы вернуться на исходные, всего пара минут потребуется.

– Понятно, ну идите, лейтенант, пообедайте и проследите, чтобы личный состав был накормлен.

– За этим вообще-то младший политрук смотрит.

– А за роту отвечает кто?

– Ротный, я понял. Вопрос разрешите?

– Давай!

– Вы с нами не пообедаете?

– Нет, лейтенант, спасибо, мы пообедаем в штабе.

– Понял. С вами останется старшина Агарян, мало ли еще возникнут вопросы, или пожелаете осмотреть всю линию обороны, мы же на фланге дивизии, на стыке двух корпусов.

– Хорошо, пусть остается.

Из-за изгиба траншеи вышел бравый старшина, представился:

– Командир третьего взвода второй роты.

– Хорошо, старшина, – усмехнулся Грунов, – как я понимаю, мы на участке твоего взвода?

– Так точно.

– А где пулеметный расчет, который остается на время приема пищи?

– Так рядом, в десяти метрах отсюда, пулеметная точка, ближе к стыку.

– А бойцы-наблюдатели?

Старшина удивленно посмотрел на начальника штаба. Странно, этому полковнику до всего есть дело.

– В пяти метрах от пулемета и в десяти в обратную сторону, на фланге еще один, рядом с расположением второго взвода.

– Ясно. Ты откуда родом, старшина?

– Из Севана, есть такое село на берегу знаменитого озера Севан.

– Слышал. Красиво, наверное, там у вас?

Старшина вздохнул:

– Очень красиво. Увижу ли еще свое родное село?

– Это как карта ляжет.

– Да.

– Доложи о состоянии дисциплины в роте.

Взводный нахмурился. В подразделении бывало всякое, но он не стукач, чтобы докладывать, для этого с лихвой хватало политрука.

Пока полковник вел пустой разговор со старшиной, гауптман Хальзер и обер-лейтенант Вилли Глаузер незаметно отошли от позиции, пошли по траншее в сторону пулеметной точки. Наблюдателя они увидели, как и говорил ротный, сразу же за вторым изгибом траншеи.

Красноармеец встрепенулся, выскочил от ячейки, наставил винтовку на неизвестных:

– Стой! Кто такие?

– Спокойно, солдат, спокойно, – усмехнулся Хальзер, – мы группа охраны начальника штаба корпуса, который беседует с твоим взводным, старшиной Агаряном недалеко отсюда.

– А чего пошли по траншее?

– Понимаешь, отлить бы. А где, черт его знает.

Красноармеец рассмеялся:

– Да отлейте вон хоть на стену траншеи. Земля сухая, высохнет быстро. Место для справления нужды, конечно, есть, но у блиндажа и возле позиции пулеметчиков. Но коли невтерпеж, то можете и на стену.

– Ты-то, наверное, так и поступаешь?

– Ну не терпеть же!

Пока они говорили, Хальзер и Глаузер вплотную подошли к солдату, который уже взял винтовку на плечо – чего наставлять ее на своих?

– Нет, пожалуй, мы дойдем до позиции пулеметчиков, взводный твой говорил, они метрах в пяти отсюда?

– Как хотите, а до пулеметной ячейки действительно пять метров, два изгиба и увидите. Только заранее обозначьте себя, а то там заряжающий Колька Батон – мужик резкий, может и пальнуть.

– Разберемся.

Хальзер кивнул Глаузеру.

Тот, улыбнувшись, ловко извлек из-за пояса нож и резанул по шее красноармейца. У бойца раскрылись от удивления глаза, он еще смог опустить голову, посмотреть, как гимнастерку заливают кровью, и рухнул на землю, забившись в судорогах. Диверсанты умеют бесшумно убивать.

Хальзер сказал Глаузеру:

– С пулеметчиком так не получится. Тем более там на позиции какой-то слишком резвый солдат. Придется метать ножи.

Глаузер пожал плечами:

– Метать так метать, мне все равно.

– Выходим.

– Не забудь обозначить себя, а то этот, как его... Батон откроет сдуру огонь.

– Само собой.

Гитлеровцы дошли до второго изгиба траншеи.

Хальзер крикнул:

– Эй, мужики, спокойно, мы охрана начальника штаба корпуса. Пришли проверить, как вы несете службу.

– Ну раз пришли, выходите.

Диверсанты вышли на площадку. Пулеметное гнездо имело большие размеры по сравнению с обычной стрелковой ячейкой. Пулеметчик и заряжающий сидели на патронном ящике, слюнявили самокрутки и с интересом смотрели на пришедших.

Диверсанты одновременно метнули ножи. Младшему сержанту клинок вонзился в сердце, красноармейцу в горло. Оба ранения смертельные.

Оттащив трупы ближе к пулемету, немцы осмотрелись и не спеша двинулись обратно. Вернувшись, встали как ни в чем не бывало на прежнем месте.

Хальзер едва заметно кивнул Грунову – пулеметчики и наблюдатель уничтожены. Тут же подошли с другой стороны лейтенант Ройле и фельдфебель Денберг. Показали – порядок.

Моппер с радиостанцией оставался вместе с офицерами.

– Ну что ж, посмотрели мы тут все, ступай, старшина, обедай, – сказал начальник штаба корпуса.

– Мне приказано находиться с вами.

– Да, допустил твой ротный роковую для тебя ошибку.

– Что? – не понял старшина.

– Зря, говорю, он приказал тебе остаться. Глядишь, и вернулся бы ты в свою Армению, а теперь – не судьба.

Старшина потянулся к кобуре, но в спину ему всадил нож Сазонов:

– Тихо, старшина, тихо, уже все.

Грунов взглянул на Хальзера:

– Теперь твоя работа, Альрих.

– Да, господин полковник.

Он скомандовал:

– Ройле, Денберг, прикрывать подход от блиндажа. Валить всех, кто попытается про-
рваться.

– Да, господин гауптман, – ответил старший по званию Ройле.

Хальзер извлек из сумок масхалаты:

– Будем надевать?

– Время только потеряем, – сморщился Грунов, – так проскочим.

– Ну, ваше дело. И зачем только тащили?

Он отбросил сумку с маскировочными халатами к стенке траншеи, достал ракетницу.
Над позицией стрелковой роты взмыла белая ракета.

Ее засекли, послышался отдаленный крик:

– Кто пустил? По чьему приказу? Что за шутки?

Но крики оборвались неожиданной канонадой и фонтами разрывов гаубичных снарядов за передней линией обороны первого стрелкового батальона. Были слышны обрывки команд, крики людей, тонущие в общем грохоте. Ударила и минометная батарея. Она накрыла полосу перед траншеей, сбивая проволочные заграждения.

Хальзер внимательно смотрел на нейтральную полосу.

Артиллеристы перевели огонь ближе к линии обороны, минометы стали бить по двум площадям от позиции роты почти до возвышенности, своих позиций, оставляя при этом свободное узкое пространство, так называемый коридор.

Хальзер повернулся к начальнику штаба корпуса:

– Пора. Идем так: впереди я, со мной обер-лейтенант Глаузер, следом господин Грунов, с ним подчиненные, замыкают Ройле, Денберг и Моппер.

От позиции прикрытия дали несколько очередей Ройле и Денберг, видимо, ротный послал бойцов вывести начальника штаба корпуса из-под огня в безопасное место. Метнув в траншею гранаты, лейтенант Ройле и фельдфебель Денберг отошли к основной группе.

Хальзер отдал команду:

– Вперед! – и первым выскочил из траншеи.

За ним рванул Глаузер и далее по расчету. Их увидели с возвышенности – артиллерия перевела огонь на второй эшелон батальона.

Предатели и диверсанты бежали что есть силы. Их в любую минуту могли зацепить снайперы батальона, выведенные под обстрелом к передовой линии. Тем более что и советский дивизион открыл ответный огонь.

Отменной физподготовкой Грунов не отличался – начал отставать, его подхватил Сазонов. Это заметил Хальзер. Выстрелил в небо вторую ракету. Тут же из-за возвышенности к бегущим на всей скорости выскочил бронетранспортер «Ханомаг.251». Пулеметчик на ходу начал стрелять по всей ширине участка третьего взвода.

Подскочил. Развернулся. Перебежчики запрыгнули в десантное отделение. Пулеметчик снял с турели пулемет, пристроил его на корме. С возвышенности выстрелил гранатометчик. За бронетранспортером поднялось облако дымовой завесы. «Ханомаг» благополучно скрылся за возвышенностью, и тут же гитлеровцы прекратили огонь. В ответ замолчала и советская полевая артиллерия. Наступила оглушающая тишина.

«Ханомаг» встал у «Кюбельвагена», германского автомобиля повышенной проходимости, возле которого находились офицеры в форме СС.

Они не тронулись с места, хотя видели прибытие предателей.

Хальзер сказал:

– Вас, господин полковник, встречают офицеры СС из Риги.

– Они не спешат познакомиться.

– Да, эти ребята высокомерны. Но ничего, вы не в том положении, чтобы артачиться.

– Это так.

– Пойдемте, я вас представлю.

Хальзер подвел бывших советских офицеров к эсэсовцам. Только тогда те заметно оживились:

– Господин Грунов? – спросил офицер с петлицами штурмбаннфюрера СС.

– Так точно, господин офицер.

– Приветствую вас в новой, счастливой жизни. Наконец-то вы освободились от советского ярма.

– Спасибо, господин штурмбаннфюрер.

– Извините, я Конрад Вендель. А это, – он указал на второго офицера, – мой помощник оберштурмфюрер Отто Ленц.

– Очень приятно.

Полковник не решился подать руку – а если эсэсовцы проигнорируют? Некрасиво будет и... стыдно.

Вместо этого Грунов представил своих подчиненных:

– Мой заместитель подполковник Дургин Федор Архипович и начальник разведки корпуса майор Сазонов.

Вендель кивнул.

– Вы обедали в своей, простите, советской части?

– Никак нет, господин штурмбаннфюрер.

– Напрасно. Здесь тоже не получится, нас ждет самолет на ближнем аэродроме Лежино.

Мы должны ехать, это примерно тридцать километров на запад.

– Мне известно, где военный аэродром.

Эсэсовцы рассмеялись.

– Ну, конечно, вы же были начальником штаба целого корпуса, это генеральская должность, к вам стекалась вся оперативная информация. – Он указал на «Кюбельваген». – Это машина для вас, водитель шарфюрер Ральф Кольб, сразу предупреждаю, по-русски он не говорит.

– Ничего, – сказал Грунов, – я владею немецким.

– Хорошо! Мы с оберштурмфюрером поедem на «Опеле».

– Я понял, – кивнул бывший начальник штаба корпуса.

Штурмбаннфюрер повернулся к Хальзеру:

– Глаузер с нами, остальным отдохнуть. Всей группе от имени рейхсфюрера Гимmlера объявляю благодарность. Дальнейшее ваше использование будет определяться в управлении абвера.

– Да, господин штурмбаннфюрер.

Обер-лейтенант Глаузер отошел к эсэсовцам. И это было непонятно, диверсант, по сути, второй человек в группе, по крайней мере, по званию и должен быть с майором СС, когда остальным приказано оставаться до получения приказа.

Штурмбаннфюрер заметил замешательство Грунова, снизошел до объяснения:

– Вы удивлены, господин полковник, хотя ничего удивительного в моем распоряжении нет. Обер-лейтенант Глаузер будет работать с вами и дальше. А вот где и по какому направлению, извините, сказать не могу.

– Понятно, господин штурмбаннфюрер.

– Ну, тогда по местам, господа.

Все сели в автомобиль. Водитель «Кюбельвагена» с интересом посмотрел на офицеров, которые собрались у машины и командовали дальше, оставаясь в форме старшего офицерского состава РККА.

– Вы говорите по-немецки? – обратился он к Грунову.

– Да, шарфюрер.

Немец оказался общительным:

– Хорошо. А это правда, что вы служили начальником штаба целого стрелкового корпуса?

– Да, Ральф.

– О, вам известно мое имя!

– Назвал штурмбаннфюрер.

– Как мне обращаться к вам?

– Полковник. Думаю, это будет правильно.

– Начальник штаба корпуса – это высокая должность. А почему вы не генерал? У нас в корпусе, где мне раньше приходилось возить представителя службы безопасности, начальником штаба был «генерал-майор».

– Должен был получить. В октябре. Теперь... но это ладно.

Шарфюрер, ловко управляя армейской машиной, уверенно сказал:

– Будете генералом в Риге.

Грунов рассмеялся:

– Это вряд ли. А скажи мне, Ральф, партизаны в вашем тылу есть?

– В этом районе были небольшие диверсионные группы, партизан нет. Соседей вроде беспокоят. Но с ними эффективно борются.

– Значит, дорога безопасная?

– Абсолютно, герр полковник.

«Кюбельваген» сильно трянуло. Переднее левое колесо попало в колдобину.

– Черт побери эти дороги, извините, герр полковник.

– Ничего.

Дорога заметно ухудшилась, потянулась в лес. Водитель умолк.

Грунов повернулся, позади на удалении в пятнадцать-двадцать метров следовал «Опель». И никакой охраны. Значит, немцы чувствуют себя здесь в безопасности.

Он проговорил на русском:

– Быстрее бы уйти от линии фронта.

Водитель не понял:

– Что, господин полковник?

– Да нет, это я про себя.

Дургин ответил:

– Уйдем, Дмитрий Алексеевич, самое сложное позади.

В разговор вступил начальник разведки:

– Представляю, что сейчас творится в полку. Комбата наверняка расстреляют. И ротного, если выжил.

– Плевать на них, – скривился Дургин, – и вообще следует забыть о нашей прежней жизни, впереди ждет новая.

– Знать бы какая.

– Уж точно не хуже, чем в Союзе. По крайней мере, за малейшую неудачу на фронте не придется ожидать прихода особистов.

– Посмотрим.

Грунов повысил голос:

– Отставить разговоры, господа офицеры.

Сазонов усмехнулся:

– А мне нравится – «господин». Не то что у нас «товарищ». Ну каким может быть товарищем, скажем, секретарь обкома рядовому рабочему?

– Я сказал: отставить разговоры!

Беглецы замолчали.

Тридцать километров колонна прошла за сорок минут в основном из-за извилистой и разбитой лесной грунтовки. Впереди показался мостик, рядом с ним аэродром, на котором у искусственного вала стояли «юнкерсы», «мессершмитты», и «фокке-вульфы».

– Вот это я понимаю, авиационная часть! Не то, что у нас, – проговорил Сазонов.

– Забудь это слово – «наши», наши остались в прошлом, теперь наши – это немцы.

– И я, Дмитрий Алексеевич, этому рад. Интересно, нам присвоят немецкие звания или придумают что-то иное?

Дургин воскликнул:

– Да какая тебе разница! Отличимся – получим возможность жить безбедно. Вот что главное. А звания? Да к черту их!

И вновь полковнику пришлось успокаивать слишком возбужденных подчиненных.

Колонна подошла к контрольно-пропускному пункту.

Вышедший навстречу унтер увидел штурмбаннфюрера, дал отмашку солдатам, те подняли шлагбаум. Автомобили проехали к штабу авиационного полка, но не остановились, а ушли за ангары. Там стоял транспортный самолет «Хенкель-111», вернее, транспортная модификация одноименного бомбардировщика.

Машины остановились на площадке.

У трапа топтался летчик.

Штурмбаннфюрер скомандовал:

– Все к машинам!

Офицеры вышли.

Вендель подошел к Грунову:

– Это самолет прилетел специально для вас.

– Высокая честь.

– Дорожите ей, полковник.

К ним подошел пилот, представился:

– Командир экипажа обер-лейтенант Шехтель.

– Вам известно, кого вы должны доставить в Ригу?

– Нет, господин штурмбаннфюрер, и это мне неинтересно. Командование поставило задачу прибыть сюда, забрать группу офицеров во главе с вами, вашу фотографию мне показали, и доставить на военный аэродром близ Риги. Это все, что я должен знать и что обязан сделать.

– Хорошо. Мы можем садиться?

– Конечно.

– Сколько мы будем в полете?

– По графику два часа тридцать минут, если ничего не случится.

Вендель быстро взглянул на пилота:

– А что может случиться?

Тот улыбнулся:

– Да все, что угодно: попадем в грозовое облако, откажет двигатель...

– Довольно! Парашюты для нас приготовлены?

– Так точно. Они в десантном отсеке. Скажу сразу: самолет надежный, но удобств никаких. Сидеть придется на лавках. Да и с акустикой неважно, советую заткнуть уши, иначе после полета долго в голове шуметь будет.

– И чем их заткнуть?

– Штурман даст вам вату.

– Хорошо. Все на борт.

Командир экипажа пропустил вперед эсэсовцев, обер-лейтенанта Глаузера и русских. Сам поднялся на борт последним.

В отсеке ожидал бортовой стрелок. Он поднял трап, закрыл дверь. Члены экипажа скрылись в пилотской кабине. Остальные расселись на двух лавках. Немцы на одной, предатели напротив. Включились двигатели, самолет тронулся с места, начал рулежку, экипаж проверил тормоза, после нескольких поворотов остановился.

Взревели двигатели, «Хенкель» побежал по взлетно-посадочной полосе. Оторвался от земли, начал набирать высоту. Фюзеляж трясло от вибрации двигателей. Шум в десантном отсеке стоял оглушительный. Пассажиры заткнули уши ватой, но и через тампоны этот шум бил по мозгам. А лететь еще два с половиной часа. Впрочем, к шуму постепенно стали привыкать.

Самолет летел на небольшой высоте, из иллюминаторов была хорошо видна земля. Чем дальше «Хенкель» уходил от линии фронта, тем больше становилось на железнодорожных путях, автомобильных дорогах и в полевых парках техники: танков, САУ, бронетранспортеров, автомобилей.

– Да, с такой армадой немцы раздавят Красную армию, – проговорил Дургин.

Его никто не услышал. Неожиданно за бортом потемнело, и самолет затрясло, как в лихорадке, сбоку ударила молния. Попал-таки «Хенкель» в грозовое облако. Но тряска прекратилась так же быстро, как и началась.

Из кабины вышел пилот с парашютом, прошел в конец отсека, открыл какую-то крышку, что-то повернул, пошел назад.

Штурмбаннфюрер остановил его:

– Где наши парашюты?

Пилот указал на ящик в торце скамейки и ушел обратно в кабину пилотов.

Штурмбаннфюрер, не глядя ни на кого, открыл ящик, достал парашют, позвал Ленца, тот помог ему надеть два ранца с ляжками.

Вендель взглянул на Грунова, указал на ящик. Полковник отрицательно покачал головой. Он хорошо знал, если самолет подбьют или откажет двигатель, эти парашюты уже не помогут. Не успеешь выпрыгнуть, до двери не доберешься. Пилоты прыгнут через специальный люк, пассажирскую дверь не откроют. А падать всего какие-то секунды. Поэтому он и отказался от парашюта.

Штурмбаннфюрер по-своему воспринял отказ бывшего начальника штаба – этим русским на все наплевать, даже на собственную жизнь, что уж говорить о безопасности.

Они с Ленцем, надев парашюты, сели на место.

Интересно, но и Глаузер отказался от парашюта.

В отсеке было запрещено курить, и, как обычно, когда запрещено, тогда больше всего тянет. В конце концов Дургин достал пачку папирос. Вендель крикнул так, что перекрыл все шумы:

– Ты с ума сошел, подполковник? А ну прекратить!

– Да я и не начинал, – нахмурился Дургин, пряча папиросы обратно в карман.

Наконец самолет начал снижение, постепенно сбрасывая скорость. Не прошло и пяти минут, как шасси, ударившись о бетон, покатило «хенкель» по взлетной полосе.

Штурмбаннфюрер облегченно вдохнул и начал снимать парашют. Его примеру последовал Ленц.

Самолет остановился, двигатели затихли, но шум в голове еще стоял. Грунов встал и едва не упал – суматошный полет давал о себе знать. Поддержал его Сазонов.

Командир экипажа вместе со стрелком вышли из пилотской кабины:

– Вот и все, господа, мы на аэродроме Лежино.

– И как, обер-лейтенант, вы летаете на этих консервных банках?

Пилот улыбнулся:

– В кабине гораздо удобнее. В отсеке было плохо, потому что борт не до конца переоборудован из бомбардировщика в транспортный самолет, как только технари закончат работы, это будет хороший лайнер.

– Нашел тоже лайнер.

Бортстрелок открыл дверь, выставил трап.

Командир экипажа указал на выход:

– Прошу, господа!

Качаясь, из самолета на землю спустились эсэсовцы, Глаузер, перебежчики.

У «Опеля» их ждал офицер в звании оберштурмбаннфюрера СС – Грунов определил это по петлицам.

К эсэсовцу подошел штурмбаннфюрер:

– Господин оберштурмбаннфюрер, задание спецотдела VI Управления РСХА выполнено. Полковник Грунов с заместителем и начальником разведки вывезены на занятую нашими войсками территорию и доставлены в Ригу. Руководитель операции штурмбаннфюрер Вендель.

Оберштурмбаннфюрер пожал Венделю руку:

– Хорошо, Конрад, твоя машина у штаба, можешь отдыхать. Глаузера оставь здесь.

– Яволь, герр оберштурмбаннфюрер. Мне перед отъездом представить вам русских?

– Не надо, сам разберусь.

– Хорошо.

Штурмбаннфюрер и оберштурмфюрер пошли к стоявшей в стороне машине.

Оберштурмбаннфюрер подошел к русским и обер-лейтенанту.

Последний вскинул руку:

– Хайль Гитлер!

– Хайль, Вилли. Как прошла операция? Сложно было?

– А разве, герр Рейтель, штурмбаннфюрер Вендель вам не доложил?

– Я у тебя спрашиваю. Ведь именно ты должен был исправить ошибку, если бы ее допустил Вендель.

– Все прошло в штатном режиме, по плану, герр оберштурмбаннфюрер.

– Хорошо.

Подполковник СС подошел к бывшим советским офицерам.

Грунов представился:

– Начальник штаба стрелкового корпуса, полковник Грунов. Естественно, уже бывший. Рейтель кивнул, посмотрел на ЗНШ:

– Заместитель начальника штаба полка по строевой, подполковник Дургин.

– Начальник разведки корпуса, майор Сазонов.

Грунов выступил вперед:

– У меня в портфеле секретная документация и карты.

– Это хорошо, но пока вы добирались сюда, наверняка ваше командование уже приняло меры, чтобы данные в документах потеряли свою ценность.

– В каких-то да, в каких-то этого не сделать за день, даже за несколько дней.

– Ганс! – крикнул через плечо оберштурмбаннфюрер.

– Я! – Шарфюрер подбежал очень быстро.

– Забери портфель у этого господина.

– Слушаюсь.

Грунов передал портфель шарфюреру. Тот ушел с ним в «Опель».

– Теперь, господа, позвольте представиться: заместитель начальника специального отдела VI управления Главного управления имперской безопасности, оберштурмбаннфюрер Рейтель. Прикомандирован в Рейхскомиссариат «Остланд» исключительно для организации работы объекта, которым будете руководить вы.

Офицеры переглянулись.

Грунов спросил:

– Что за объект, герр Рейтель?

– Всему свое время. Узнаете. Сейчас мы пообедаем, хотя время уже приближается к ужину, после чего поедem в Ригу, где вы встретитесь с начальником спецотдела штандартенфюрером СС Герхардом Тимме. Он вам все объяснит. Понимаю, у вас много вопросов, зададите их позже, сейчас прошу в автомобиль!

«Опель» подвез офицеров к столовой летного состава, где в отдельном зале был накрыт стол на четыре персоны. Оберштурмбаннфюрер от обеда отказался, но остался присутствовать. После чего предатели и Глаузер с подполковником СС выехали в Ригу, до которой было около двенадцати километров.

Спустя десять минут «Опель» прибыл в столицу Латвии, но не поехал к центру города, где размещалось управление рейхскомиссариата войск СС, службы СД и полиции, гестапо, а свернули на небольшую и малозаметную улочку. Пройдя несколько сот метров автомобиль остановился у зеленых ворот. Водитель посигналил.

Из калитки появилась физиономия солдата в форме СС, затем заскрипели засовы, ворота открылись. Машина въехала в небольшой дворик, остановилась у входа в довольно красивый, одноэтажный дом.

На крыльце появился обершарфюрер.

Рейтель бросил назад:

– Ожидать! – и покинул автомобиль.

Дургин поговорил:

– А немцы-то не особо приветливые к нам.

Сазонов вздохнул:

– Что вы хотели, подполковник, они же не знают, оправдаем мы их доверие или нет. Уверен, совсем скоро их отношение к нам кардинально изменится.

– Вы, майор, предполагаете, нас планируют привлечь к операции, которая приблизит победу рейха? А по-моему, заставят собирать по концлагерям пленных, готовых воевать против Советов и создавать из них боеспособное соединение. Показывать тем самым, что много русских не просто ненавидят режим Сталина, но и готовы воевать против него.

Грунов раздраженного процедил:

– Молчите!

Ему самому не нравилась такая ситуация. Столько было приложено усилий для перехода за линию фронта, переброску в Ригу, а в итоге – какой-то дом на окраине...

Рейтель поднялся на крыльцо. Обершарфюрер выбросил вперед руку:

– Хайль Гитлер!

– Хайль! Штандартенфюрер Герхард Тимме на месте?

– Так точно. Но ожидается приезд бригаденфюрера Айкеля.

Рейтель удивленно переспросил:

– Айкеля? Он что, ради бежавших русских прилетел из Берлина?

– Не могу знать, герр оберштурмбаннфюрер. Узнаете у герра Тимме. Он в гостиной комнате, приказал сначала пропустить вас, а затем уже русских.

– Хорошо.

Рейтель прошел в холл, зашел в просторную гостиную, меблированную в строгом германском стиле.

В кресле у камина сидел штандартенфюрер Герхард Тимме, начальник спецотдела VI Управления РСХА.

– Разрешите, герр штандартенфюрер?

Тимме повесил на держак кочергу, которой ворочал дрова в камине:

– Подъехали?

– Так точно, герр штандартенфюрер.

Тимме повернулся, с недоумением посмотрел на заместителя:

– Что случилось, Марк? Ты чем-то раздражен?

– А вы, герр Тимме, на моем месте не разозлились бы?

– Не понимаю.

– Почему в операции по переброске высоких офицеров РККА вы использовали меня втемную? Я знал только, что предстоит встретить трех русских офицеров, но кто они, откуда и что собой представляют, до меня не довели. И только в последнюю очередь, вернее, перед самой поездкой на аэродром, я узнаю, кого мне предстоит встречать. Это что, недоверие ко мне? Я, ваш заместитель, полагаю, не заслужил подобного отношения к себе.

Тимме покачал головой:

– Марк, присядь в кресло, выпить не предлагаю, так как через десять минут должен подъехать бригаденфюрер Айкель, можешь приказать денщику сварить кофе. Чашку выпить успеешь. Заодно и успокоиться.

– Успокоиться? После того, как вы поступили со мной?

Штандартенфюрер поморщился:

– Марк, ну не возводи в степень. На эту операцию был наложен гриф «совершенно секретно». Я был оповещен о разработанной операции в Берлине только перед ее реализацией, а точнее, перед заброской в тыл русских группы гауптмана Хальзера.

– Мне совершенно ни о чем не говорит эта фамилия.

– Один из особых диверсантов абвера.

– Я счастлив.

– Слушай, Марк, – повысил голос полковник СС, – прекрати, в конце концов, строить из себя обиженную ревнивую даму. Ты прекрасно знаешь, что иногда нас всех используют втемную. При всем своем желании я не мог поделиться с тобой той информацией, которую получил перед операцией. Не имел права. Но теперь ты узнаешь все! Вернее, после визита бригаденфюрера. Уверен, он откроет нам все карты.

Рейтель немного успокоился или показал, что успокоился, достал пачку сигарет:

– Разрешите, герр Тимме?

– Кури.

Оберштурмбаннфюрер только прикурил сигарету, когда раздался звонок городского телефона.

– Это кто еще такой? – проговорил Тимме, снял трубку. – Слушаю.

Услышав голос, он подобрался:

– Да, герр бригаденфюрер... очень внимательно... так... понятно... конечно... завтра в 10.00. Да, оберштурмбаннфюрер Рейтель... обер-лейтенант Глаузер, русские... да, герр бригаденфюрер, обеспечим. Понял, до встречи.

Штандартенфюрер положил трубку на рычаги.

Рейтель спросил:

– Насколько я понял, сегодня герр Айкель не приедет.

– Ты правильно понял. Группенфюрер Крюгер устраивает прием в честь дня своего рождения, ему сегодня пятьдесят. Собирает высших чинов, как военной, так и гражданской администрации. В том числе и бригаденфюрера Айкеля. Мы, Марк, в эту кагорту не входим.

– И это хорошо. Терпеть не могу эти приемы, рауты и сборища.

– Признаться, я тоже. Ну что ж, комнаты для гостей готовы, ужином, надеюсь, ты их накормил?

– Накормил еще на аэродроме.

– Давай размещай. Предупреди Грунова о завтрашней встрече, чтобы и сам, и его подчиненные были готовы. Новая форма для них готова. Насчет завтрака предупрежден обершарфюрер Стубер. Я поехал к себе.

Рейтель взглянул на начальника:

– А мне остаться с русскими?

– Зачем, Марк? Ты организуй все, а останутся на объекте обер-лейтенант Глаузер и обершарфюрер с охраной.

– Обидятся русские. Все же старший их не кто-нибудь, а начальник штаба стрелкового корпуса, по штату – генерал-майор.

– А мы что, должны стелиться перед ним? Если бы не мы, то через неделю-две его арестовали бы и как врага народа поставили к стенке.

– Он в чем-то сильно провинился?

– Нет, это абвер подготовил на него компромат. А особист отдела армии нашел бы документы и один из тайников, что доказало бы сотрудничество полковника Грунова с врагом.

Рейтель проговорил:

– Допустим, начальника штаба можно было скомпрометировать и заставить работать на нас, но как удалось привлечь к работе заместителя начальника штаба и начальника разведки?

Штандартенфюрер улыбнулся:

– Пока абвер готовил целую операцию, оказалось, что полковник Грунов, а с ним и его ближайшие помощники не прочь перейти на нашу сторону. Он очень честолюбив, считал, что его притесняют, долго держат в полковниках, когда он заслуживает генеральское звание и как минимум должность командующего армией. Впрочем, организаторскими способностями Грунов не обделен.

Рейтель кивнул:

– Понятно, банальный карьерист, обиженный на власть, которая не ценит его качеств.

– Ну, примерно так. Есть у полковника и собственные счеты к власти. В прошлом году за хищение была арестована и осуждена на пятнадцать лет его жена, которая работала в службе тыла. Над Груновым нависла угроза лишиться по меньшей мере должности и звания, а возможно, и свободы. Но он быстро отреагировал и отрекся от семьи. Более того, активно помогал следствию вывести на чистую воду супругу и дочь. В общем, сдал их. Это учли.

– Полковник – ладно, он стоит того, чтобы его загнали в ловушку, но его помощники? Как Грунову удалось сделать их соучастниками собственного предательства?

– И с Груновым, и с его заместителями поработали специальные агенты из женского отряда «Марта», внедренного в СССР еще в 1938 году. Но это долгая история. Главное, Грунов, Дургин и Сазонов приняли добровольное решение перейти на нашу сторону. Но если тебе нужны подробности, обратись за ними к бригаденфюреру Айкелю.

– Я не самоубийца, и мне плевать на эти подробности. Не понимаю, что хочет получить от предателей наше руководство.

– Узнаешь, Марк, узнаешь. Завтра же. А сегодня можешь провести вечер со своей очаровательной латышкой Ингой. Тебе повезло, что у нее немецкие корни по отцовской линии, иначе не видать бы тебе ее ласк.

– Я знаю, с кем связываться.

– Согласен. В практичности тебе не откажешь. Ты организуй тут работу, проинструктируй Глаузера и Стубера и отдыхай. Твой «Фольксваген» за КПП.

– Благодарю.

– Но завтра, Марк, в 8.00 быть здесь.

– Яволь, герр штандартенфюрер.

Наконец в дом заявились Грунов, Дургин и Сазонов.

Полковник начал было выражать недовольно, но Рейтель поставил его на место:

– Не забывайте, господин Грунов, кто спас вас от смерти. И ведите себя подобающим образом. Сегодня вам назначен отдых. Работать начнем завтра. Комендант дома, обершарфюрер покажет вам комнаты, душ, туалет, завтра подъем в 7.00. И не следует пытаться вопросами обер-лейтенанта Глаузера, который останется с вами, он ничего не сможет вам объяснить.

Проинструктировав Стубера и Глаузера, оберштурмбаннфюрер СС Рейтель прошел в кабинет, где стоял второй телефон городской линии связи, запараллеленный с телефоном в гостиной. Снял трубку, набрал номер:

– Добрый вечер, Инга!

– Добрый, Марк.

– Как насчет того, чтобы посидеть в ресторане?

– У меня другое предложение, Марк: погулять по парку перед тем, как поехать к тебе. А если ты голоден, то в парке работает довольно приличное кафе.

– Принимается. Как брат?

– Намного лучше, он уже в состоянии быть дома один, сам себя обслуживает.

– Я рад за него. Мне заехать за тобой?

– Зачем, парк же рядом с нашим домом.

– Хорошо, тогда до встречи у входа.

– Да, я буду, Марк.

Брат Инги, Макс Янтуш, с приходом немцев был призван во вспомогательную полицию, но получил серьезное ранение в позвоночник во время учебных стрельб. Ставил мишени, когда неожиданно выстрелил из винтовки его сослуживец. Выстрелил в сторону от Янтуша, но случился рикошет, и пуля попала в позвоночник. С того времени Макс стал инвалидом: перемещался только на коляске и требовал постоянного присмотра. Хорошо, что с ним в одной квартире жила его родная сестра.

Рейтель вывел «Фольксваген» за территорию объекта – дома, который использовался как конспиративный. Даже в собственном тылу, в городе, занятом своими же войсками, немцы не теряли бдительности.

Остановился он рядом с кинотеатром, у цветочной лавки. Купил букет цветов. Прошел ко входу в парк, который сейчас светился множеством огней и был заполнен гуляющими парами. В уютном сквере играл духовой оркестр.

Инга подошла, как и следует даме, задержавшись на несколько минут.

– Еще раз добрый вечер, Марк.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его.

Оберштурмбаннфюрер, державший до этого букет за спиной, выставил его вперед.

– Ой, розы! Спасибо, милый, я обожаю розы.

– Поэтому я и купил их. Пойдем к фонтану.

– Но это самая темная аллея.

– Нам надо поговорить.

– Понятно.

Она взяла офицера под руку, и они пошли по аллее. Со стороны Марк и Инга смотрелись как влюбленная пара.

– Что случилось, Марк? – уставшим голосом спросила Инга.

– В Ригу доставили бежавших через линию фронта старших офицеров Красной армии.

– И ты не знал, что это должно произойти?

– Нет. Тимме держал меня в неведении.

– Это что, он тебя в чем-то подозревает?

– Говорит, запрещено было делиться сведениями даже со своим заместителем. И это похоже на правду.

– А что это за старшие офицеры?

– Запоминай: бывший начальник штаба стрелкового корпуса полковник Грунов, его заместитель подполковник Дургин и начальник разведки корпуса майор Сазонов. Переход через линию фронта спланировали в VI Управлении РСХА под руководством бригаденфюрера Фридриха Айкеля. Завербованы предатели агентами женского специального отряда «Марта». Судя по той операции, которая была реализована, в Берлине на этого начальника штаба корпуса возлагают большие надежды. Но какие, как его собираются использовать вместе с подчиненными, пока неизвестно. Их доставили сегодня, я встречал их, они находятся на конспиративной квартире, в доме № 12 по улице Галдари. Сегодня вечером с перебежчиками должны были встретиться бригаденфюрер СС Айкель и штандартенфюрер Тимме.

– А ты?

– И я.

– Встреча сорвалась?

– Судя по тому, что мы гуляем в парке, да.

– Что-то произошло?

– Ничего особенного. Сегодня у группенфюрера Крюгера, командующего войсками СС в Прибалтике, юбилей, пятьдесят лет. Бригаденфюрер приглашен на торжество. Отказаться он не мог, поэтому встречу перенесли на завтра.

Впереди показался патруль. Он иногда обходил парк. Поравнявшись, лейтенант, начальник патруля, отдал честь оберштурмбаннфюреру, не рискуя остановить его и потребовать документы. Это могло плохо кончиться.

Как только патруль удалился, Инга спросила:

– Что должна сделать я?

– Представляешь, что сейчас происходит в корпусе, в штабах, армии, фронта, в Москве? Сбежал к немцам начальник штаба соединения. И никаких известий о беженцах. Наверняка боевая диверсионная группа проводила прорыв через линию фронта под прикрытием, но о Грунове и его подчиненных ни в армейской разведке, ни в НКВД ничего неизвестно.

Молодая женщина прижалась к офицеру:

– Но и у нас нет никакой информации о намерениях гитлеровцев использовать предателей. Ты же не знаешь, зачем их доставили в Ригу и почему с ними желает встретиться бригаденфюрер Айкель, специально прибывший из Берлина?

– Это все верно, но надо хотя бы сообщить в Москву, что перебежчики в Риге и рядом с ними я.

– Только это?

– Хотя бы это. Пока. Как только у меня будут результаты разговора бригаденфюрера с Груновым, я передам их. Платов должен успокоить Берию, хотя генеральный комиссар если разойдется, то успокоить его сложно. Тем более о бегстве такого чина обязательно будет доложено товарищу Сталину. Но предупредить надо. Ты сможешь сегодня ночью провести сеанс?

– С выходом в обычное место?

– Нет, из квартиры. Я буду этой ночью с тобой.

– Вот чего мне хотелось бы меньше всего.

Марк Рейтель, он же капитан госбезопасности СССР Андрей Сергеевич Ремезов, сотрудник IV Управления НКВД под началом старшего майора ГБ Петра Антоновича Платова, искренне удивился:

– Почему?

– Сам не догадываешься?

– Нет!

– А еще цветы даришь. Сухарь ты, Андрей!

– Ты хочешь сказать...

Женщина прервала его:

– Ничего я не хочу сказать. Идем домой. Надоел этот парк.

– А посидеть в кафе?

– Я тебе дома кофе сварю. Этого хватит.

– Послушай, Инга, я...

– Не говори ничего. Мы только – начальник и подчиненная, и все!

– Нет не все!

– Тогда какого черта ты душу мне рвешь?

Инга, развернувшись, пошла вперед.

– погоди, у меня машина.

Она не обернулась. Капитан госбезопасности вздохнул:

– Вот придурок, сам же хочешь ее. Надо исправлять ситуацию.

Решив оставить «Фольксваген» у ларька, Ремезов поспешил за женщиной.

В ту ночь в Москву ушла шифрограмма:

«Грунов с Д и С в Риге. Подробности позже. Гудвин».

Глава третья

Пассажирский поезд «Челябинск – Москва» подошел к перрону станции Рязань-1. Звякнула сцепка, заскрипели тормоза, состав остановился.

Во втором купе мягкого вагона мужчина лет пятидесяти, положив портфель под подушку, взглянул в окно:

– Рязань, еще три с половиной часа, и будем на месте.

Мужчина помоложе кивнул:

– Да, еще пара-тройка остановок, и мы в Москве. Честно говоря, Иван Сергеевич, мне до чертиков надоела эта езда. Больше полутора суток в купе. Выехали из Челябинска по московскому времени в 8.00 8 августа, а сейчас 14.28 9-го. В Москве, если поезд все так же на удивление пойдет по графику, мы должны быть в 18.00. Итого тридцать четыре часа.

Иван Сергеевич Рыбник, по должности ведущий специалист наркомата танковой промышленности, а по данным НКВД, ближайший помощник наркома Зальцмана, отвернулся от окна:

– И что вас не устраивает в этом поезде, товарищ Буторин? Вдвоем в купе спального вагона, завтрак, обед, ужин тоже в купе. Поезд идет по расписанию. Можем выспаться на неделю вперед.

– Знаете, Иван Сергеевич, – проговорил капитан Буторин, офицер специальной боевой группы IV Управления НКВД, – я бы предпочел заниматься чем-нибудь более серьезным, нежели вашим сопровождением. Не понимаю, почему в охрану к вам выделили меня, а не офицера из подразделения охраны НКВД.

Рыбник ответил:

– Мне в принципе было все равно, кто поедет со мной, но товарищ Зальцман сказал, что в охране будете именно вы и это решение самого Лаврентия Павловича.

– Что ж такого важного вы везете в портфеле?

– А вот это, капитан, извините, вас не касается. Пока состав стоит, сходили бы лучше купили у торговки моченых яблок. Обожаю моченые яблоки. На перроне их наверняка продают. Да и папирос прикупить бы не помешало, у меня в пачке осталось две штуки.

Буторин сказал:

– Вам прекрасно известно, что нам не то чтобы из вагона – из купе выходить нельзя. Пищу заказывать в ресторане только через проводника Егорова, который, я уверен, в этой должности всего на один рейс и имеет звание не меньше старшины госбезопасности. Двух папирос вам хватит. А нет, так у меня половина пачки «Казбека» осталась. Моченых яблок купите в Москве, вот передам вас охране наркомата танковой промышленности, заполните ими хоть целый багажник автомобиля. А в пути из купе ни ногой. Только в туалет, и то в моем сопровождении.

– Вот что надоело в дороге, так это походы по двое в туалет. Надо мне – со мной идете вы, надо вам – иду я. Соседи по купе смотрят на нас с нехорошим интересом.

– Да плевать, как кто смотрит. Мы выполняем приказ.

– Но уже почти доехали. Рязань – мирный город. – Он поправился: – Пока мирный, надеюсь, таковым и останется. Что здесь-то может произойти? Рядом с Москвой, после полутора суток езды?

Буторин достал папиросу. Курили они здесь же, в купе.

– Все, что угодно, Иван Сергеевич, и не провоцируйте меня на нарушение приказа. Этого не будет.

– Вы еще тот служака.

– Это да. Тут вы правы. Служака я еще тот.

– А что? Неплохо пристроились. Сопровождаете должностных лиц различных ведомств в командировках. Это не на передовой сражаться.

Буторин усмехнулся:

– Ну и вы не с винтовкой в стрелковой ячейке сидите.

– Я ученый, у меня «броне».

– Вот и у меня «броне».

Знал бы представитель наркомата, какое теплое местечко занимает капитан Буторин. Виктор же не имел права раскрывать свою принадлежность к боевой группе, подчиненной старшему майору Платову, начальнику управления и через него упомянутому Лаврентию Павловичу Берии. Но Рыбник этого не знал и не мог узнать.

Лязгнула сцепка, к составу прицепили другой паровоз, который покатит вагоны с несколькими остановками до Москвы, до Казанского вокзала.

В дверь постучали.

– Кто? – спросил Буторин.

– Это проводник Егоров.

– Что?

– Обед через двадцать минут.

– С чего это вдруг вы сейчас сообщаете об этом? Раньше не предупреждали.

– Так... – немного замялся проводник, – ...начальник поезда в вагоне, а вас я обязан предупредить.

– Понятно, через двадцать минут так через двадцать минут.

Проводник ушел.

Буторин взглянул на Рыбника:

– Вы бы, Иван Сергеевич, портфель свой под диван, в багажный отсек положили!

– Зачем?

– Оттуда его сложнее будет быстро достать.

– Кому достать? – искренне удивился представитель наркомата танковой промышленности.

– Тому, кому очень интересно его содержимое.

Рыбник вздохнул:

– Капитан, ну что вы все усложняете? Мы полторы тысячи километров проехали, и никого, как вы выразились, интересующегося содержимым портфеля не было.

– Не было, но могут объявиться. Последний перегон – для этого самое удобное место.

– С ума сойти! Но вас действительно подействовала долгая дорога.

– Товарищ Рыбник, я отвечаю не только за вашу безопасность, но и за безопасность этого портфеля.

– И кто же возложил на вас эту обязанность? Я имею в виду документы.

Буторин ответил:

– Главный инженер Кировского завода в Челябинске, товарищ Махонин.

– Махонин? Сергей Нестерович? – еще больше удивился Рыбник.

– Представьте себе. Перед самым отъездом на вокзале предупредил, что и портфель я тоже должен оберегать, наравне с вами.

– Но почему мне он ничего не сказал?

– Приедем в наркомат, свяжетесь с ним по телефону, он объяснит. Я не знаю почему. Так что будьте любезны положить портфель под полку.

– Черт знает что, мне придется доложить о вашем поведении начальству.

Буторин улыбнулся:

– Какому начальству?

– Своему, естественно, а оно уж разберется с вашим.

– Сомневаюсь. Если разборки, то скорее уж НКВД разберется с вами. Но не тратьте время, скоро Егоров доставит обед.

Пожав плечами, Рыбник поднял полку и положил портфель в багажный отсек:

– Довольны?

– Доволен.

Рыбник пододвинулся к окну, из которого был виден вокзал.

Паровоз пыхнул паром, дал гудок, состав медленно тронулся.

Буторин посмотрел на часы:

– Да, как ни странно, по расписанию. Это, наверное, оттого, что в поезде едете вы, Иван Сергеевич.

Не поворачиваясь, Рыбник спросил:

– Ничего умнее не придумали?

– Куда нам, охранникам всяких должностных лиц.

Спустя двадцать минут в дверь вновь постучали:

– Товарищи командировочные, обед.

Голос проводника Егорова.

Буторин подошел к двери, спросил:

– Народ в коридоре есть?

– А почему вы спрашиваете?

Капитан почувствовал тревогу:

– Я задал вопрос.

– Да, есть пассажиры: у туалета двое, один курит в другом конце.

Буторин достал из кобуры «ТТ».

Рыбник воскликнул:

– Вы что, капитан?

– Обычная страховка, давайте-ка быстро на верхнюю полку.

– Но...

– Никаких «но». Вперед!

Тревога опытного офицера передалась сотруднику наркомата. Несмотря на возраст, он довольно быстро залез на верхнюю полку.

– Ближе к стене и не поворачиваться.

Сам капитан опустил запирающую пластину, повернул «барашек» замка и вскочил на полку слева.

Интуиция его не подвела. Как только дверь была отперта, раздался негромкий шум в вагоне. Дверь резко пошла влево. Вместо проводника в проеме показался мужчина лет тридцати с револьвером в руке.

На мгновение он опешил – в купе никого не было.

Этим мгновением воспользовался Буторин. Он выстрелил незнакомцу в руку, сжимавшую револьвер.

Мужчина дернулся, взвыл, уронил револьвер на пол.

Капитан нанес ему удар в голову. Мужчина отлетел к окну коридора, сбив с ног подельника, который тоже был вооружен.

Буторин перепрыгнул с полки на полку, для этого ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться о верхние спальные места. Грянул выстрел. Стреляли из коридора, пуля ударила в торец верхней полки.

Буторин не видел противника. Тот должен был сам проявиться. И он проявился – послышался сиплый голос:

– Леша, уходи в тамбур, пусть Гринь поможет тебе.

Буторин выстрелил на голос. Завизжала женщина, выскочившая из соседнего купе. Тут же раздался ответный выстрел.

Буторин упал на пол. И вовремя – второй налетчик вошел в проем и открыл огонь по всему купе. Этот был вооружен пистолетом «ТТ». Восемь патронов он выпустил за какие-то секунды. Вскрикнул наверху Рыбник.

Буторин снизу всадил неизвестному две пули в грудь. Мужчину отбросило к окну, но выжить, как подельнику, ему было уже не суждено.

Буторин не для того состоял в особой группе НКВД, чтобы промахнуться или попасть не туда, куда надо. Бандит сполз по стене. Изо рта пошла пена. Справа с ножом в горле лежал проводник, вокруг судки-котелки, из которых на пол вылились борщ, компот, вывалились макароны с котлетами.

Капитан помнил наказ раненому Леше идти в тамбур к Грине. Он рванул в ту же сторону.

Высунулся в проход мужчина. Буторин хлопнул ему по лбу, тот скрылся в купе.

За титаном – вход в туалет и двери тамбура.

Там и объявился, судя во всему, этот самый Гринь – руки-ноги у него были целые, в руке немецкий «вальтер».

Он выстрелил, едва завидев вооруженного Буторина. Пуля задела мочку уха, сделала дырку в окне.

Больше ничего бандит не успел – Буторин дважды нажал на спусковой крючок. Неизвестный, выронив «вальтер», растянулся у туалета.

Тело Гриня еще пробивали судороги, когда Буторин оттащил его в коридор, оглянулся вокруг – никого. На миг прикинул: в тамбуре с другой стороны могут оставаться подельники. Охотников за портфелем Рыбника он не увидел, а раненый может уйти – состав еще не набрал ход.

Неожиданно раздался приглушенный хлопок. Буторин рванул в тамбур.

Первый бандит, Алексей, сидел у двери входа, в виске дырка, рядом «вальтер». Возможно, бандиты имели по два пистолета и ножи.

Капитан метнулся обратно в купе. Поднял полку – портфель на месте. Наступил на сиденье, приподнялся. Рыбник был мертв, пуля попала ему в глаз, видно, когда он повернулся к проходу.

Капитан спустился вниз, встал у проема, крикнул:

– Эй, соседи, откликнитесь кто-нибудь.

Показалось лицо молодого парня.

– Я лейтенант Щетин, Юрий.

– А я капитан госбезопасности Петров. – По документам на эту фамилию Буторин сопровождал Рыбника. – Срочно сюда начальника поезда, медиков, если есть, наряд милиции.

– А как их найти?

Буторин взревел:

– Ты что, первый раз на поезде едешь?

– Нет.

– Так какого черта задаешь глупые вопросы? Вон у двери в тамбур коробка с кнопкой. Разбей стекло, нажми. Тому, кто ответит, сообщи о перестрелке, придут все, кто надо. Понял?

– Так точно.

– Из училища, что ли?

– Так точно, следую в штаб фронта для получения предписания.

– Ну и следуй, только сначала вызови, кого сказал. Это приказ.

– Есть, товарищ капитан.

Лейтенант двинулся к сигнализации, Буторин крикнул ему вслед:

– Во второе купе никому не входить, предупреди особо.

– Так точно.

Буторин скрылся в купе, лейтенант, выбив защитное стекло, нажал на красную кнопку...

Первым прибыл наряд милиции, за дверью послышался голос:

– Начальник наряда сержант Голубев.

Буторин, не открывая дверь, ответил:

– Слушай, сержант, я капитан госбезопасности, со мной..., впрочем, не важно, кто и что со мной. В купе труп. Моего попутчика убили бандиты, чьи трупы вы видите в коридоре, бандит в тамбуре был ранен и застрелился сам. При всем желании открыть купе я не могу, не имею права. Чтобы подтвердить мои полномочия, свяжитесь с ближайшим отделом НКВД, лучше с рязанским Управлением, попросите позвонить в IV Управление центрального аппарата. Там вам все объяснят. Дверь я не открою до прибытия к месту происшествия старшего майора Платова, начальника IV Управления. Это все.

– Вы много наговорили, гражданин, но я должен знать, кто вы. Хотя бы представьтесь.

– И на это я не имею права.

– Я обязан проверить ваши документы. Я свяжусь с начальством, после того как увижу ваше удостоверение.

– Сержант, ты идиот? Ты не понял, что я не имею права впускать тебя в купе?

– А вот за идиота можно и привлечь. Это оскорбление должностного лица...

Буторин прервал его:

– Все, хватит, мне больше не о чем с тобой говорить.

– В таком случае я вынужден отдать приказ двум своим милиционерам взломать дверь.

– И в итоге в коридоре будет не два, а пять трупов, если пули случайно не зацепят кого-нибудь еще. Не шути, сержант, с IV Управлением. Его курируют на самом верху.

– Я учту ваши угрозы.

– Будь так любезен.

Кажется, подошел начальник поезда и врач. Буторин услышал мужской и женский голоса.

Мужчина обратился к начальнику наряда:

– Товарищ сержант, что это такое? Убийца известен, а вы ничего не делаете?

– Делаем, товарищ Суроян, – ответил он начальнику поезда, – свяжитесь с ближайшей станцией, это будет Рыбное?

– Да.

– Так вот, свяжитесь с начальником станции Рыбное, чтобы поднял местное отделение милиции, а паровозной бригаде объявить остановку на станции, при этом проводникам никого из вагонов не выпускать.

Женский голос сказал:

– Здесь два трупа, огнестрельное ранение. Стреляли в упор, труп в тамбуре я уже осмотрела, там самострел. Но это мое, как врача, первичное заключение. Полную картину даст судебно-медицинская экспертиза.

– Понятно. Кто вы?

– Врач московского гарнизонного госпиталя, хирург, капитан Огольцова Елена Сергеевна, вот мое удостоверение.

– Откуда ехали, товарищ капитан?

Сержант явно не знал, что делать, потому и задавал совершенно ненужные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.